

Приволжскій городъ.

Статья Скитальца (М. Петрова).

... Давно я не говорилъ съ тобою, Волга, давно не слышалъ твоихъ таинственныхъ разсказовъ, глубокихъ, плавныхъ и красочныхъ, какъ и ты сама... А, бывало, ты много разсказывала мнѣ твоимъ могучимъ языкомъ и я, бывало, слушаю—не слушаюся!... То заведешь ты, помню, о далекихъ временахъ, начнешь всегда съ любимца твоего Степана Разина и я, какъ своими глазами, вижу его, плывущаго на стругахъ въ лѣтнюю ночь при лунномъ свѣтѣ и, какъ своими ушами, слышу дерзкую пѣсню степановой вольницы.. А потомъ и начнешь ты все о воеводахъ, да разбойникахъ, и какъ-то такъ всегда у тебя выходило, что съ разбойника-то хоть съ того пиши, ну, а воевода... Нечего грѣхъ таить, не любима ты воеводу и долго еще, бывало, порчишь на него, пока не доберешься до интендантскихъ чиновниковъ. Я ужъ и не говорю о томъ, какіе ужасы разсказывала ты о крѣпостномъ правѣ, о заводскихъ помѣщикахъ, о крестьянской мести, о старинной большой дорогѣ и цѣлыхъ сенахъ, промышлявшихъ грабежомъ, или о томъ, что случалось въ самарскихъ степяхъ, или о томъ, какъ расхищали башкирскія земли и откуда ведутъ свое начало самарскіе милліоны...

Больше всего любить я слушать, когда ты, бывало, начнешь пересказывать сказки стараго лѣса о какой-нибудь жестокой любовной исторіи, которая всегда звучитъ у тебя, какъ благородная поэма, какъ безконечно-грустная и безгранично-нѣжная пѣсня, въ которой всегда чувствуется трагическій характеръ волжскаго народа...

И начнешь ты, помню, разсказывать о поволжскомъ крестьянинѣ, о тяжелыхъ думахъ его, о его широкой тоскѣ и въ особенности

о мечтахъ и фантазіяхъ его, потому что волжскій мужикъ—всегда поэтъ въ душѣ.

И ужъ если ты раскажешь мнѣ что-нибудь о приволжскомъ мужикѣ, то всегда о мужикѣ замѣчательномъ, мужикѣ-искателѣ, глубоко-чувствующей душѣ, крупной фигурѣ, которую, разъ увидѣвъ, никогда не забудешь! Только развязку для такого героя всегда ты придумываешь грустную-пре-грустную, какъ будто бы, по твоему, для замѣчательныхъ людей и не бываетъ много конца на Руси!

И выходитъ изъ твоихъ береговъ мужичекъ Шалыгинъ—великій мастеръ пѣть и во всякія роли перевоплощаться. Шатается безъ работы, отъ голода животъ подвело,—а самъ весельчакъ и революціонеръ ему въ кнѣзюньбу—что пѣнуть—все равно. Всю пристань развеселитъ. А тутъ откуда ни возьмись—еще какой-то маляръ съ Волги объявился—парень силы непомерной—въ крѣпички поступилъ и кули таскалъ,—такъ тотъ разсказы все разсказывалъ. Бывало, вся артель животики надорветъ, а онъ все разсказываетъ: ужъ вотъ вретъ, вотъ вретъ—а хорошо выходитъ. И такъ разсказами увлекся—что въ „Самарскую Газету“ въ разсказчики поступилъ. *) И тамъ все читатели смѣшили. А самарскіе читатели, глядя на него, головами покачивали да приговаривали: „ахъ, Іегудиль Хламида, Іегудиль Хламида, души ты своей погубитель, несчастной ты жизни человекъ!“

А маляръ-то не унимается и еще пуще вретъ и все лучше у него выходитъ: и про „Мальву-то“ вралъ и про „старуху Изергиль“ и про босую-то команду, вродѣ него самого,—вралъ. Да и кто-жъ его зналъ, что онъ потомъ Максимомъ Горькимъ назовется?

*) Рѣчь идетъ о Горькомъ, но это не совсемъ точно, такъ какъ онъ раньше много писалъ въ нижегородскихъ газетахъ.

Прим. ред.

Развѣ ихъ разберешь, этихъ-то, которые всѣ изъ мужиковъ съ Волги...

Чортъ ихъ пойметъ!

Ахъ, Волга, Волга, сказочные у тебя герои, и жизнь на твоихъ берегахъ показалась бы грустной, а подчасъ и страшной сказкой, если бы не была она самой подлинной русокой, волжской былью...

Тутъ что ни шагъ,—то изъ самыхъ нѣдръ жизни и выльзетъ какое-нибудь чудовище, никакой, повидимому, связи съ действительностью не имѣющее. Тутъ, если купецъ—то непременно архимилліонеръ Аржановъ, трагическій скряга, ходившій по городу въ лохмотьяхъ и жившій до самой смерти, какъ нищій.

Если протодьяконъ,—то Румянцевъ, былинная фигура, что-то вродѣ Святогора-богатыря, обладавшая сказочнымъ голосомъ, съѣдавшая за завтракомъ цѣлаго поросенка...

А если городъ на Волгѣ—такъ это Самара. Стихийная сила—вотъ характеръ приволжской страны. Вся жизнь какая-то подпочвенная, подземная, темная, глухая. Много гибнетъ и гложетъ въ ней, а если ужъ что-нибудь, всколыхнувши все, наконецъ, выльзаетъ—то ужъ это непременно какой-нибудь чортъ.

Разскажи мнѣ, Волга, исторію приволжскаго города, покажи мнѣ всю его жизнь, всѣ слои, изъ которыхъ онъ выросъ, пусть придутъ передъ моими глазами всѣ эти странные, ни на кого не похожіе герои провинціальные: купецъ и протодьяконъ, мелкій мѣщанинъ и торговка, и редакция, и типичная здѣсь бродячая интеллигенція, которая, появляясь, вѣчно куда-то уходитъ и, наконецъ, напыщенное „высшее“ общество. Ахъ, Волга, ты не жизнь этого города разскажешь мнѣ, ты мнѣ жизнь мою разскажешь, дѣтство и молодость мои воскресишь!

Еще ребенкомъ игралъ я въ песокъ на мощеной Алексѣевской площади, гдѣ на моихъ глазахъ происходили кулачные бои—стѣна на стѣну. На Дворянской улицѣ были деревенскія избы, а на Саратовской всѣхъ и каждаго избивали „горчишники“. И была сонная жизнь, и былъ маленькій сонный, какой-то дочатый городъ, утробившій въ песокъ и въ грязь. И я помню, какъ этотъ скверный городишка былъ погранъ пламенемъ великаго пожара во время турецкой войны. Но и послѣ пожара онъ мало измѣнился. Все также стоялъ грязный „ста-

рый“ театръ около Александровскаго садика, гдѣ процвѣтала „первоклассный“ по тогдашнему ресторанъ Портнова съ секретной картежной игрой.—И гремѣлъ актеръ Новиковъ, впоследствии „редакторъ“, и прѣзжалъ на гастроль „Андреевъ—Бурлакъ“. Все было глубоко-провинциально. И рвалась юная душа прочь изъ этого болота, куда-нибудь, но только дальше отсюда, какъ можно дальше, и бесплодно билась въ цѣбняхъ убогой, безцвѣтной, безрадостной жизни...

И помню, наконецъ, вырвался я...

Молодость уже уходила, когда я вновь вернулся... отдохнуть... Ты, о, Волга, волшебница, колыбель моя, влекла и влечешь къ себѣ твоими чарами, твоимъ волшебнымъ разговоромъ!..

Я писалъ тогда въ „Самарской Газетѣ“, отъ которой теперь не осталось и воспоминаній. Да и вообще—остался ли въ жизни хоть какой-нибудь слѣдъ отъ нашей сатиры, нашихъ слезъ и смѣха, отъ прозы и стиховъ, иногда вдохновенныхъ, зажженныхъ огнемъ молодости, съ которыми мы прошли тогда черезъ жизнь приволжскаго города? Сомнѣваюсь: вѣдъ прежняго города нѣтъ, онъ весь новый, гордый, разбогатѣвшій, сказочно вырастающій во что-то громадное... Снесено все устарѣвшее, отсталы всѣ устарѣвшіе и снова работаютъ молодые, новые, полные силы.

И рѣдко-рѣдко встрѣчаю я здѣсь усталаго стараго друга.

И чуждая толпа смотритъ на меня чуждыми, враждебно-насмѣшливыми глазами и я слышу шопотъ:

— Это чужой.

А предо мною встаетъ вся жизнь моего родного города, любимаго мною странной болѣзненно-капризной любовью...

И какъ будто это все ты, Волга, журчишь мнѣ овыми струями о быломъ и пережитомъ, объ ушедшей молодости, о забытыхъ и растерянныхъ мною моихъ же стихахъ и я вижу старый городъ съ его старыми церквами и башнями, и старыми горожанами и со всей его старой жизнью, куда была когда-то вкраплена судьбой и моя молодая жизнь. („Волж. Сл.“)